

АЛЕКСАНДР ВОДОЛАГИН

“ТАЙНОЕ ЗНАНИЕ” АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Основание “мистической философии духа”

*Как свершилось, как случилось?
Был я беден, слаб и мал.
Но Великий неких тайна
Мне до времени открылась,
Я Высокое познал.*

Александр Блок (1913)

Человек как существо метафизическое никогда не довольствуется чувственно данной ему реальностью, так или иначе выходит за ее границы — духовно-практически или мысленно, — прорывается в *Запредельное* (А. Блок). Будучи обитателем *серединного мира вещей*, каждый из нас тем не менее сохраняет связи с ирреальным, *Несбывшимся* — с тем, что еще не стало вещами, событиями, лицами, а также с “мирами иными”, коим, по словам Блока, нет числа, которые объективно-реальны, т. е. “вовсе не суть “наши представления”¹. Что касается поэта, то он, как никто другой, чуток к *веяниям ветров* из “этих “иных”, еще неизвестных миров”, запечатленным в древних мифах. Грезя наяву, он в своем бегстве от погружающегося в лиловый сумрак “страшного мира” невольно или намеренно возвращается к архетипам мифо-мышления, воссоздавая тот или иной миф — из смутных воспоминаний и домыслов о жизни своих предков, из обрывков “демонических снов”, из “хаоса подсознания”. Поэтому можно сказать, что даже его повседневное существование есть **бытие-в-мифе**, бытие-на-пороге истины. Какой же миф — подобно космическому року — управлял жизнью и творчеством Александра Блока? Судя по его собственным признаниям — миф о Прекрасной Даме, смысл которого, по версии К. В. Мочульского, — в “мистерии богоявления”, что лишь отчасти верно, так как миф этот несет на себе печать непреодолимой двойственности, внутренней разорванности и *двуликости* его творца, за которой скрывалось *двоеверие* Блока, так и не решившегося на окончательный выбор между Дионисом и Христом, не достигшего искомого им “апокалиптического синтеза” язычества и христианства. “Собирая мифологические материалы, давно уже хочу я положить основание мистической философии моего духа, — записал

ВОДОЛАГИН Александр Валерьевич — доктор философских наук, профессор. Член Союза писателей России. Автор книг “Метафизическая ось евразийства” (в соавт. с Даниловым С. И. 1994), “Метафизика воли” (2012), “Собирание духа. Пути и беспутство русской мысли” (2013), сборника рассказов “Оливема” (2000), романа “Ворох, или Играющий с огнём” (2010 — Литературная премия имени Н. В. Гоголя).

Блок в своем дневнике 26 июля 1902 года. — Установившимся *наиболее* началом смело могу назвать только одно: женственное”. Очевидно, без уяснения указанного основания невозможны ни реконструкция **философии духа** Александра Блока, ни адекватная оценка его вклада в историю русского *устремленного вперед самосознания*. Говоря в одном из писем невесте о своей готовности развивать “очень стройную, далеко не рассудочную (это важно) систему”, Блок сводил свою “мистическую философию” к объяснению *резкого, крайнего, полного отличия* своих отношений к Л. Д. Менделеевой от “обыкновенных любовных отношений”², т. е. стремился, по сути, к концептуализации уникального духовно-эротического опыта, используя при этом символику восточной эзотерической традиции и категории западной метафизики, как это делал некогда Данте.

“И Александр Блок – к Дионису”

Обращаясь в июне 1915 г. к своим “очень хорошим” воспоминаниям о деде – профессоре А. Н. Бекетове, Блок писал в своей автобиографии о многочасовых прогулках с ним по лугам, болотам и дебрям, окружавшим Шахматово, выкапывании с корнями трав и злаков для ботанической коллекции, поисках редкого для московской флоры папоротника (“Внемлет слух лесным былинкам...”). Это искание Блок возобновил через несколько лет после смерти деда:

*Я буду ждать с глубокой верой
Чудес, желаемых тобой:
Пусть вспыхнет папоротник серый
Под встрепенувшейся рукой.*

Незабываемое приобщение к “начаткам ботаники” привело к неожиданному результату, не имевшему никакого отношения к естествознанию: мальчик, “внемля зову жизни смутной”, проникся восторженной любовью ко всему живому, “услышал трепет жизни мировой”, испытал радость совершенную от переживания свой причастности к *всеобщей одушевленности природы*, которую позднее, в годы студенчества, стал отождествлять с платоновской “Мировой Душой” и “Софией” древних гностиков. Заявляя в 1910 году о своей принадлежности к “немногим знающим, символистам”, Блок сравнивал дарованное ему **потайное знание** с неким “кладом, над которым расцветает цветок папоротника в июньскую полночь”. Так, казалось бы, простое, запомнившееся в детстве явление природы стало в его глазах символом высшего блага, на обладание которым смеет притязать человек в своем недолгом *бытии-между рождением-и-смертью*. “Солнце наивного реализма закатилось; – уверял современников Блок, – осмыслить что бы то ни было вне символизма нельзя”. Даже свое собственное навязчивое желание найти упомянутый папоротник.

“Животных любил он до страсти, – вспоминала его тетушка М. А. Бекетова. – Дворовые псы были его большими любимцами. Глубокую нежность питал он к зайцам, ежам, любил насекомых, червей и прочих гадов, словом – все живое. (И это осталось на всю его жизнь.)”³.

*Душа моя рада
Всякому гаду
И всякому зверю
И о всякой вере.*

“Мистическая суть” этой *первой любви* Блока ко всему одушевленному существу оставалась скрытой от обожавшего его бекетовского семейства, ведь известная литературная традиция требовала от влюбленного *подростка* соответствующей концентрации на образе Беатриче, а тут какие-то “твари весенние”, гады, зайцы, ежи, насекомые и даже ослы. Хотя в добросовестнейших воспоминаниях М. А. Бекетовой есть намек и на *Нее*. Описывая пребывание сестры и своего любимого четырехлетнего племянника в Италии, тетка Блока упоминает, на первый взгляд, незначительный эпизод: “В день отъезда из Флоренции произошел маленький случай. Все утро на глазах у Сашиной матери вертелась Sophia, семилетняя хозяйская дочка. Она держала в руках какую-то картинку и старалась привлечь внимание сестры. Когда ей это уда-

лось, она протянула то, что было у нее в руках и оказалось так называемой “*imag sainte*”, – изображением богородицы. Сказав, что это для “Alessandro”, Sophia убежала. Сестра сохранила картинку. Она всегда висела под стеклом над кроватью “Alessandro” и оставалась на том же месте до его смерти”. Так невзначай, бессознательно семилетняя София передала будущему поэту *религиозное задание* для всего его творчества⁴: тема Мировой Души-Софии, во-вочеловечившейся в святой образ Девы Марии, Матери Света (А. Блок), но также способной являть себя в иных, порою страшных обликах, стала для него (через 14-15 лет после описанного эпизода) главной. И будущей невесте он писал 16 сентября 1902 г. о своей глубокой вере в нее “как земное воплощение пресловутой Пречистой Девы или Вечной Женственности”⁵, по-своему истолковывая известный ему из истории алхимии **принцип соответствия**, намекая дочери Д. И. Менделеева на космическое значение их грядущей *химической свадьбы* – в духе Христиана Розенкрейца⁶. Перед нами установленный факт: с раннего детства Блока и до конца его дней *неподвижная*, *вечно-женственная ОНА – Владычица вселенной* – так или иначе символически присутствовала в его жизни, оставаясь для него главным мистическим ориентиром, *звездой путеводной*. Мистицизм “есть самое лучшее, что во мне когда-нибудь было; – уверял он невесту. – ... “Мистицизм” дал мне всю силу к жизни, какая есть... Это – все мое лучшее “я”...” Мистицизм “проникает меня всего, я в нем, и он во мне. Это – моя природа. От него я пишу стихи”⁷. Может быть, без той особой атмосферы утонченной и “неукротимой жизненности”, которая сформировалась в семье Бекетовых, прямой контакт *крайне нервного* мальчика с Мировой Душой (= Софией)⁸ не состоялся бы, и не появилось бы главное свидетельство о нем – “Стихи о Прекрасной Даме” (1904), *стихи-молитвы*. Тем не менее ни дедовский идеализм “чистой воды”, ни “казачья порода” его жизнерадостной бабушки Елизаветы Григорьевны не оказали решающего влияния на духовное самоопределение Блока в качестве мистика-ясновидца, “художника, прозревающего иные миры”, так что его “гибель в бекетовщине”, “гибель в декадентстве” была просто выдумана мировоззренчески чуждыми ему критиками. Таким, в частности, был его “дорогой враг” Иванов-Разумник со своим ошибочным диагнозом “полного духовного разложения Блока”.

Подлинно гибельное начало – “врожденный демонизм” – было привнесено в мир Бекетовых Александром Львовичем Блоком, отцом поэта, искавшего защиты и спасения от рокового наследия (“Я – черный раб проклятой крови...”) в завораживающем первообразе, открывшемся его “духовному взору”:

*Признак истинного чуда
В час полночной темноты —
Мглистый мрак и камней гряда,
В них горишь алмазом ты.
А сама — за мглой речною
Направляешь горный бег
Ты, лазурью золотую
Просиявшая навек.*

Не впадая в излишнюю детализацию, отметим, что вместе с “арийской кровью” (“Было что-то германское в его красоте...” – З. Н. Гиппиус) Блок во-брал в свое существо и **сумрачный дух германского мистицизма**⁹ с прису-щей ему *идеей идей*, о которой как-то раз написал матери следующее: “Все одинаково смрадно, грязно и душно, как всегда было в России... Для того, чтобы забывать о том жалком состоянии, в котором находишься ты, я и все остальные жители России, нужно иметь одну “подкожную” идею, или мечту, которая протекает вместе с кровью то спокойно, то бурно, то в сознании, то подсознательно”. Не трудно догадаться, о какой идее речь. Раннее чтение Лермонтова, Тютчева, Фета, Владимира Соловьева, изучение диалогов Платона (в соловьевском же переводе) и философии Плотина способствовали пробуждению в семнадцатилетнем поэте “духа пытливости”, стремления к обретению “цельного знания”. Все отмеченные духовные влияния толкали его – *покорного Богу и Платону* – на **поиск спасительного знания**. Идущий от предков и подкрепленный семейным воспитанием “европеизм”, по его собственному признанию, помог ему “облечь в формы и плоть то глубокое и все

ускользающее содержание, которым исполнена всякая русская душа” — несмотря на свою исконную аморфность, беспутность и безыдейность. По своей конституции Александр Блок был *психиком*, т. е., по классификации апостола Павла, *человеком душевным*, колеблющимся “на перепутьи двух дорог”, восприимчивым и к “голосам миров иных”, и к ужасающему дыханию *бездны*. Не случайно числом, управлявшим его жизнью, юный “поклонник эллинов” признавал четверку — число человеческой души в пифагорейской системе координат, *знак мастерства*, связанный с ремесленными инициациями¹⁰. К тому же и себя называл “человеком бездны”. Говоря о пережитом им **“долгом и страшном поединке души и духа”** (выделено мной. — **А. В.**), поэт, видимо, имел в виду те разнонаправленные силы, которые разрывали его *несчастное сознание*: с одной стороны, присущую русскому человеку “тайную страсть к жизни”¹¹, переживаемую как “радость-страдание”¹², любовь-ненависть, и, с другой стороны, *дух Земли (Erdgeist)*¹³, опознанный еще тайным советником Гете, “с загадочной двойственностью относимся ко всему”¹⁴. Возможно, именно этот дионисийский “дух музыки” и привносил в душевную жизнь поэта “руководительную мечту”, “неколебимую истину” мистического порядка. Нечто подобное испытал в свое время Гете, описавший связанный со стихией огня пьянящий “дух Земли”, который и извлекает из лабиринта *коллективного бессознательного* ту или иную архетипическую фигуру (к примеру Аниму, Ариадну). В то же время Гегель противопоставлял овладевший Фаустом *дух Земли* как “беднейшую форму духа” — “небесно сияющему духу всеобщности знания”, “скорбному уму” Люцифера, “первородного сына света”¹⁵, смыкая, таким образом, нижнее звено иерархии “темных сил” с верхним. Люцифер замычал в замороженном сознании Блока в период работы над поэмой “Возмездие”, когда *душа поэта*, как в юности, оказалась буквально между двух огней. В одном из своих последних писем Андрею Белому (9 апреля 1918 г.) Блок снова вспоминает о фаустовском “духе Земли”: “Было (в январе и феврале) такое напряжение, что я начинал слышать сильный шум внутри и кругом себя и ощущать частую физическую дрожь. Для себя назвал это Erdgeist’ом”. Поэт вслушивался в пугающую железную поступь *звезря, выходящего из бездны*, улавливая **знамения грядущей эпохи “открытых человеческих жертвоприношений”**, о которой пророчески писал ему месяцем ранее его *“невольный” брат Андрей Белый*¹⁶.

От отца Блок унаследовал восприимчивость к “музыкальной сущности мира”, аполлоническое “требование формы”, стремление к исцеляющему самопознанию и вместе с тем — “врожденный демонизм”, чувствительность к “ежедневному трепету хаоса”, дионисийское “порыванье к бездне”, *любовь к гибели*, все то, что он называл “отцовским мраком” и от чего искал спасения в экстазах *восходящей любви*. Будучи неопытным юношей, он, подобно своему отцу, “задумал тревожить темные силы — и уронил их на себя”, оказался во власти темной иерархии (“Вокруг шумят бесчисленные крылья...”). Поэма “Возмездие”, над которой поэт работал последнее десятилетие своей жизни, — выражение творческих попыток прочесть во “внутреннем облике отца” предопределение собственной участи, разгадать судьбу последнего звена “изнигилившисьегося” дворянского рода. “Отцовский мрак находится еще на земле и вокруг меня увивается, — признавался Блок матери вскоре после смерти отца. — Этого человека надо замаливать”. Не из этого ли мрака возникло блоковское “дохристово чувство Рока”, странный мираж “полевого Христа” и сознание своей принадлежности к языческой “арийской культуре”?

Прав был Андрей Белый в своих непревзойденных по проникновенности “Воспоминаниях о Блоке” (1922), когда говорил о глубинах “неразгаданной, замечательной личности” поэта¹⁷. Историк литературы, составившему более или менее полное представление о внешней канве жизни поэта и его сложных отношениях с современниками, но лишенному дара *различения духов*, недоступен эзотерический подтекст его произведений, их *“мифологическая глубина”*. Уже одно только немецкое слово *Erdgeist*, не раз мелькавшее в переписке Блока, свидетельствует о его приобщенности к древнейшей духовной традиции, вне контекста которой его поэтическое слово представляется какой-то *невнятицей* — “той непонятностью, которую и не хочется понимать” (З. Н. Гиппиус)¹⁸. Сам Блок, будучи “глубоким мистиком” (архимандрит Киприан)¹⁹, отчетливо понимал природу того *даймона*, который более двух десятилетий вел изнурительную борьбу за его *русскую душу*, прельщая “красотой

Недостижимой”, заманивая в “Беззакатную глубину и высь”, повергая ее в состояние безысходной тоски и скорби, отравляя скепсисом, граничившим с безверием, и подстрекая к богоборчеству. Поэт идентифицировал своего даймона с пытливым духом отрицанья и сомненья, некогда мучившим и вдохновлявшим Лермонтова и Михаила Бакунина, захватившим и его отца, превратив его в “новоявленного Байрона”, на которого в салоне Философовой обратил внимание Ф. М. Достоевский. Этот **инфернальный дух** (“дух пряный марта... в лунном круге”) фигурирует в заметках, письмах и стихотворениях Блока под разными именами, одно из которых до сих пор остается для многих читателей “неразгаданным именем бога на холодных и сжатых устах”. Неразгаданным оно, видимо, было какое-то время и для самого поэта:

*И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого бога страстно верил,
Какую девушку любил.*

Хотя в его текстах мы находим подсказку – упоминание *крылатых глаз*, символизирующих “духовный взор”, который возносит душевного человека (*психика*) к Абсолюту, делая возможным интеллектуальное созерцание Бога в той или иной Его ипостаси. Для Блока – в ипостаси вечно-женственной Мировой Души-Софии, аналога египетской Исиды. Заметим, между прочим, что *крылатый глаз* – атрибут “бога Света”, всезнающего Гора²⁰ – *Мстителя за своего отца* (Осириса-Диониса), давнего соперника Христа (“Но не спал мой грозный Мститель...”). Всевидящее око Гора – символ гносиса, тайного знания о том, что принесенный в жертву отец не ушел из мира навсегда, но так или иначе возвращается в него (хотя бы в виде призрака), вечно возвращается (“Возвращается все, все”). Это – гамлетовское **знание о “вечном возвращении”**; знание, в котором “много печали”, и которое подводит человека к “вопросу высшего ранга”: что же, в конечном счете, для него более ценно – бессмысленный круговорот бытия (*сансара*) или небытие, чреватое смыслом (*нирвана*)? Отец Блока выбрал небытие – и, вероятно, не вполне осознанно сам принес себя в жертву тому темному, мятежному “духу Земли”, которым был некогда пленен и захвачен:

*Потомок поздний поколений,
В которых жил мятежный пыл
Нечеловеческих стремлений, —
На Байрона он походил...
Тот самый ответ красноватый,
И выраженье власти то ж,
И то же порыванье к бездне.*

Важной вехой на пути осознания юным Блоком истоков усвоенной им вместе с кровью духовности стало для него увлечение игрой на любительской сцене. Под маской Гамлета, готовившего метафизическое возмездие многоликому духу зла (предателю дядюшке, предавшей мужа королеве-матери, друзьям-предателям и т. д.), скрывался герой древней египетской мистерии *Гор*, персонифицировавший собой дионисийское решение вопроса о том, что предпочтительнее для человека с “нечеловеческими стремлениями” – *бытие-в-мире* абсурда или “безликое темное Ничто”. Исполняя роль Гамлета, юный Блок невольно склонялся к дионисийскому предпочтению небытия, что вскоре проявилось в его суицидальной настроенности и соответствующих приговорах, а позднее – в осознанной любви к гибели: “...я люблю гибель, любил ее искони и остался при этой любви”, – писал он Андрею Белому через несколько лет после пережитого духовного кризиса, в 1910 году²¹. Книга Фридриха Ницше “Рождение трагедии из духа музыки” (1871)²², вскрывшая, между прочим, дионисийскую (а не сократическую) природу гамлетовского “духа пылкости”, стала для него, как и для Андрея Белого, открытием. Оба друга, вообразившие себя одолевшими Ницше с помощью Соловьева, тем не менее оказались на некоторое время во власти ницшеанского дионисизма, на грани срыва в безумие, в двух шагах от самоубийства, повод к которому не раз давала *холодность* бобловской Офелии – Любви Дмитриевны Менде-

леевой²³. Андрей Белый нашел спасение в христианском гносисе, замутненном штайнеровской антропософией, и в любви к тургеневской девушке (Асе), также оказавшейся в сетях антропософских иллюзий. Блок же, не чувствовавший Христа, отшатнувшись от антропософии, остался верен “буйному” Дионису²⁴, что обнаружилось и в его последней поэме “Двенадцать”, где под маской Христа “в белом венчике из роз” является Дионис-Убивающий, “яростный” и “сыроядный” бог восточных мистерий. То была одна из его последних кощунственных подмен в стиле ницшеанской “переоценки ценностей”, так пугавших в давно минувшую “эпоху зари” (1901–1903 гг.) его друзей-соловьевцев – Андрея Белого и Сергея Соловьева. Оставаясь последовательным в своей любви к гибели, Блок – божьей милостью поэт – шел на рискованные эксперименты и в своей личной жизни, и в творчестве. При этом, отдавая дань Дионису – “начальнику Смерти” – Блок (как и Ницше) все же не забывал о Христе, о своей детской, “осенней любви” к Нему:

*Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —
Тогда — просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слез,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.*

Обратим внимание еще на одну особенность овладевшего душой поэта пьянящего,пряного “духа Земли” — его **двойственное отношение к жизни** в целом и ко всякому одушевленному существу, будь то, например, безжалостно вырубаемая им шахматовская сирень, обольщаемая “незнакомка” или сама Русь с ее “разбойною красой”. В этой неистовой блоковской любви-ненависти к жизни чисто дионисийский момент **узнания-приятя** (“О, весна без конца и без края...”, “О, я хочу безумно жить...”) нередко заглушался пламенем вражды (“И смотрю, и вражду измеряю...”, “И отвращение от жизни, И к ней безумная любовь, И страсть и ненависть к отчизне...”) — пожирающим все сущее **огнем негации**, уже опалившим некогда русских гегельянцев, активных нигилистов — Михаила Бакунина и Александра Герцена. Восхищаясь Бакуниным, Блок все же оставался пассивным нигилистом (“Часто развертывается во мне огромный нуль”), изживал нигилизм как “психологическое состояние”²⁵, хотя однажды и поучаствовал в антиправительственной демонстрации, прошел с толпой митингующих по улицам Петербурга с красным (дионисийским по цвету) флагом, обозначив таким способом свою ненависть к “русскому правительству”. В отличие от других “дионисианцев” Серебряного века — “упадочников” (А. Белый), отмеченных “печатью патологии”²⁶, — поэт невысоко ценил жизнь (как частный случай бытия), понимая, что она сама по себе не только **мглиста**, но более того — неизбежно сгущается в беспросветную тьму по мере угасания духа и приближения *Мировой ночи*²⁷. Хотя... кто знает, не была ли его “любовь к гибели” превращенной формой влечения к “Абсолютному началу как положительному небытию”, о котором вещал знаток каббалы и шеллингианско-бемовской мистики Владимир Соловьев? Если так, то перед нами в самом деле неразгаданный до сих пор **феномен русской внецерковной религиозности**, не сводимый к дионисизму (в версии Вячеслава Иванова), представляющий собой сложный **сплав из элементов языческого панпсихизма и христианского гносиса**. А поэзия Блока по своему духовному содержанию оказывается явлением намного более сложным, чем представлялось его философски искушенным современникам и философски беспомощным потомкам. Не реагируя на истерические протесты главных деятелей русского религиозно-философского “возрождения”, Блок отбрасывал банальные гуманистические обоснования ценности человеческой жизни, оставаясь в своем “одионочестве двуликом”: “стоял он прекрасной загадкой то близкий, то дальний (прекрасный — всегда)”²⁸.

Удивительно, что “самый проникновенный критик” произведений Блока — Андрей Белый — почти ничего не сказал о поэме “Возмездие”, коснувшись ее в своих “Воспоминаниях” вскользь и не заметив в ней главного: блоковской **историософии**, нетривиального понимания мировой истории.

*Но тот, кто двигал, управляя
Марионетками всех стран, —
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман...*

Упомянутые Блоком в поэме теории с известными “умозрительными понятиями” не дают ответа на главный вопрос: кто, используя мелкие человеческие интересы и страсти, двигает марионетками — этими “пузырями земли”, вообразившими себя авторами и исполнителями исторической драмы, вершителями судеб нашего “страшного мира”? В поэме “Возмездие” Блок, как и в “Балаганчике”, остается неоплатоником: для него люди — “куклы богов”, нити от которых тянутся к “невидимой руке” того или иного бога. Мысленно восходя к первоистоку “малых дум и вер”, захватывающих светливых героев земного “балаганчика”, неизбежно оказываешься в плену *Мирового духа*, поверженного на Землю *Денницы*, “князя мира сего”, *Люцифера*. Проникая в эзотерический подтекст поэмы “Возмездие”, мы видим, как ее автор, не изменяя *соловьевству* своей юности, отбросив ненавистные ему “теории прогресса”, возвращается к издавна преследуемой как ересь “древней доктрине”:

*Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страницу
Из книги жизни повернуть.
.....
Двадцатый век... еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла)...*

К кому же обращался поэт за благословением? У кого искал спасения от руководившего им с юности “Неведомо Страшного”, от чарующего и враждебного жизни люциферианского духа, властвующего над “стихиями земными и подземными”, “кующего гибель день и ночь”?

Стихи о Прекрасной Деве

Переписка Александра Блока и Андрея Белого началась в январе 1903 г. сразу же “в философской тональности”. Не успев познакомиться друг с другом непосредственно, они мгновенно нашли общий язык — как “видящие среди невидящих”, *озаренные* — язык эзотерической традиции, и заговорили о той манифестации “Абсолютного начала”, которая открылась им почти одновременно в эпоху *зорь* в слепящем облике *Лучезарной Подруги*, “жены, облеченной в солнце”, мысленно сопрягая этот апокалиптический образ с неоплатонической концепцией *Мировой Души* (= Софии Премудрости), переформулированной “двоящимся Вл. Соловьевым” в стиле христианского гностицизма. Уже во втором письме Блоку 6 января 1903 г. Андрей Белый проговаривает “основы соловьевства”, предопределившие, как ему думалось, все содержание и проблематику творчества Блока — “соловьевца” *par excellence*²⁹. В самом деле, судя по двум блоковским текстам — “Рыцарь-монах” (1910) и “Владимир Соловьев и наши дни” (1920) — поэт был привержен упомянутым “основам” до конца жизни, более того, сам стал создателем оригинальной версии русского софийного идеализма — поэтической *космологии*. Нужно сказать, что Блок как “конкретный философ” (А. Белый) все еще остается неизвестной величиной для историков русской философии, не видящих в его текстах “вселенской, постигнутой многими, как и непостижимой для многих, мистической философии”³⁰. Андрей Белый вспоминал, что “интеллектуальная зоркость” 22-летнего Блока, владевшего терминологией западной метафизики, исповедовавшего языческий неоплатонизм и вполне осознанно дистанцировавшегося от “лукавейшего” Канта, произвела на него ошеломляющее впечатление. Образ *Лучистой Девы* был для Блока таким же несомненным фактом сознания, каким ранее он был для Владимира Соловьева, увековечившего в поэме “Три свидания” “самое значительное” из того, что случилось с ним в жизни: *тремякратное прозрение в двойственную, “вечно-женственную”*

сущность вселенной. Проще всего было бы объявить *Лучезарную Подругу* (*Деву Радужных Ворот*) псевдогаллюцинацией романтического сознания и закрыть на этом “тему Софии” для обсуждения, к чему, по сути, и призывал в свое время недоволоптившийся фрейдомарксист Н. Валентинов, не обнаруживший в лирике Блока ничего, кроме идеализации похоти, ненавидевший *скифство* (= *евразийство*), в ком бы оно ни проявлялось – в Ленине, Сталине или Блоке. Включившись в борьбу с русским гностицизмом под псевдонимом, ассоциирующимся с фигурой древнего гностика Валентина, он в своих разоблачениях Блока продемонстрировал лишь собственное недоумие. Раскапывать с фрейдистской одержимостью там и сям один и тот же психосексуальный кошмар (*комплекс*) нетрудно. Сложнее проследить движение чистой мысли “конкретного философа” Блока в ее истоках и символических выражениях, ведь это уже настоящая “философия в захватывающих образах” – нечто, не вмещающееся в сознание профана, каким был антивалентиновец Валентинов. Думаю, что Блок как убежденный неоплатоник-соловьевец, знакомый и с ницшеанским антиплатонизмом, ясно сознавал, что спасавший его от “отцовского марка” и от всего “неведомо Страшного” в жизни образ *Прекрасной Девы* есть фантом аполлонического сознания, необходимая для выживания гениального одиночки **прекрасная видимость**, маска, за которой скрывается грозная, двойственная, *пурпурно-лиловая стихия* космического психизма – тоскующая *Душа Мира*:

*Я — одинокий сын земли,
Ты — лучезарное виденье.*

“Хорошо бы, ах, как хорошо, скажу я, остановиться, оглядеться, возрадоваться на все феноменальное, замереть от счастья перед “кажущимся”, “являющимся”...”³¹ – писал он А. Белому 1 августа 1903 года. “Стихи о Прекрасной Даме” – ранняя **утренняя заря** (выделено мной. – А. В.) – те сны и туманы, с которыми борется душа, чтобы получить право на жизнь”, – говорил Блок в марте 1908 г. в Предисловии к сборнику “Земля в снегу”, невольно напоминая читателю об одном из питавших поэта истоков его творчества: настольной книге русских мистиков бемовской “Авроре, или Утренней заре в восхождении”, бывшей некогда неиссякаемым источником вдохновения для автора “Феноменологии духа” и “Науки логики”. Интересно, что Блок в полном соответствии с гегелевской логикой квалифицировал лик Прекрасной Дамы как феномен, в многообразных определениях которого – “моментах видимости” (Гегель) – просвечивало его сущностное **основание** (*Душа Мира*) и, кроме того, приоткрывалась безосновная бемовская **Бездна**. Иначе говоря, Прекрасная Дама – субъективно-идеальная **кажимость**, нечто “в самом себе несамостоятельное”³² (и, как таковая, “Она не ездит на пароходе”); это – “прикрывающая иллюзия”, цель которой “соблазнить к существованию” (Ф. Ницше) и таким способом удержать нигилиста от самоуничтожения; это – чарующая своим сиянием видимость, делающая бытие для него сносным.

Блок практиковал платоновский метод *припоминания* – “художнический анамнесис” как способ возвращения к “сияющей вершине” своего визионерского опыта (“Есть сияющие вершины...”) – к экстатическому созерцанию лучезарного лика “вечно-юной” *Таинственной Девы*:

*И полнится душа тревожно и напрасно
Воспоминаям дальным и прекрасным.*

В ответном письме А. Белому 9 января 1903 г. Блок вопрошает, “может ли поэзия в своем *taiximite* приблизиться к Запредельному настолько, чтобы расслышать и познать?” И сам предлагает решение: “Утвердительный ответ возможен хотя бы только на том основании, что наши времена поэзии ощутили, как никогда, двойственную природу вселенной...”³³. Об этой двойственности писали Платон, Якоб Беме и Шеллинг. О ней же по-своему говорили Ницше и Владимир Соловьев. Она была известна любому духовному человеку (*пневматику*), пытавшемуся подняться над противоположностью захватывающих его влечений к красоте и безобразию, порядку и хаосу – обрести блаженство в “высшем синтезе жизни” (Ф. М. Достоевский). В мифопоэтическом мышлении платоников и гностиков эта динамичная, имматериальная, двойственная сущность вселенной именовалась *Мировой Душой* (= *Софией*).

Для Блока Она – “темного хаоса светлая дочь” (Вл. Соловьев), “Дева Радужных Ворот” (гностический термин, использованный Вл. Соловьевым в стихотворении “Нильская Дельта”), “Владычица вселенной” (у Вл. Соловьева – “Владычица земли, небес и моря”), вечно-юная “Царевна”, “Лучезарная Жена”, “Прекрасная Дама”. В письме А. Белому 6 января 1903 г. поэт явно завышал онтологический статус интересовавшей его “сферы познанной Девы”, называя ее “областью субстанции”, каковой она никогда не была и не могла быть, согласно традиции. Собственно субстанцией в свете пантеистической мистики является вселенная как *не созданная никем из богов* психоматериальная целостность. Что же касается “Лучистой Девы”, то она символизирует лишь внутреннюю “субстанциальную форму” вселенной, приоткрывая скрытую мощь “космического психизма”, искры которого одушевляют *все сущее*. Будучи лишь *формой форм*, “Монадой монад”³⁴, Душа Мира (*Психея*) сама по себе не самостоятельна (= не субстанциальна), хотя и может казаться таковой поддавшемуся Ее чарам, влюбленному в Нее поэту. Вот почему, внося коррективы в рассуждения юного философа, т. е. существа *одержимого*, захваченного пламенной любовью к Софии, можно уверенно утверждать, что блоковская “сфера познанной Девы” не тождественна “области субстанции” (как он думал), но представляет собой феноменальную область кажимости, наполненную фантомами и призраками, каждый из которых может быть истолкован как *излучение манящей и обманывающей Психеи – Закатной, Таинственной Девы*. Вместе с тем, будучи второй ступенью эманации Абсолюта (*Единого* у платоников, *Отца светов* у христиан), Мировая Душа-София подчинена Логосу-Христу, восприимчива по отношению к исходящим от него “глаголам вечной жизни”, эйдосам-первосмыслам, *храня* которые, Она помнит все, является вселенской памятью, “мистическим телом” Истины (*Незабываемого*). В силу своей исконной двойственности Мировая Душа способна выйти из подчинения Христу-Логосу и низринуться в материальный хаос земной жизни, сменив облик “Хранительницы-Девы” на личину сладострастной Астарты, *великой блудницы* (Отк. 17, 1). В связи с этим А. Белый, между прочим, вспоминал о разговорах в семье младшего брата Владимира Соловьева о “страшных” стихах Блока и опасностях, угрожавших ему на пути абсолютизации Софии и забвения о Христе³⁵. Главная особенность духовного опыта автора “Стихов о Прекрасной Даме” – опыта “первой любви” к Софии, которую некоторые исследователи ошибочно отождествляют с увлечением летом 1897 г. *синеокой* Ксенией Садовской в Бад-Наухайме, была обусловлена “мистическим восприятием” Мировой Души вне контекста божественной иерархии, в отрыве от Христа-Логоса. Дело в том, что в своей *восходящей* “интеллектуальной любви к Богу” Блок поднялся по “лестнице чудной, к небу ведущей” (Вл. Соловьев) лишь до второй ступени эманации Абсолюта, не найдя в себе ни сил, ни желания для дальнейшего восхождения – к Христу-Логосу. “У него нет знания о Христе!” – ужасался А. Белый. По Блоку, “Душа Мира” *неподвижна и окончательна* и в этом плане действительно напоминает математическую сущность (*монаду*) пифагорейцев, с воззрениями которых он познакомился, читая М. Н. Каткова – “Очерки древнейшего периода греческой философии” (1851). Кроме того, Она еще и *холодна*, так что надежда влюбленного в Софию поэта на соразмерную его страсти ответную любовь оказывается очень слабой, если не тщетной:

*Все виденья так мгновенны —
Буду ль верить им?
Но Владычицей вселенной,
Красотой неизреченной,
Я, случайный, бедный, тленный,
Может быть, любим.*

И все же, как показывает мистический опыт, Она – не математическая фигура и не вещь-в-себе. Ее красота – обманчивая, а неподвижность мнимая. Свою подвижность и неокончателность *Прекрасная Дева-звезда* продемонстрировала падением на Землю, где и пошла по кругу, согласно гностическому мифу, меняя личины и имена (Клеопатра, Офелия, Гретхен, Фаустова Елена, Кармен, Фаина и, наконец, Катька), а порой являясь под *снежной маской* безымянной Незнакомки – этого дьявольского сплава “бушующих лиловых

миров”, или в виде “красавицы-куклы” петербургских ресторанов и бульваров. Она для Блока “значительнее Христа; – утверждал А. Белый, – и “Она” – ему ближе... Идея Христософии (София лишь риза Христова) – оттолкнута Блоком...”³⁶. Верно. Тем не менее он был одним из тех гениальных одиночек, которым, по словам Фридриха Ницше, “дозволено вступить в область нестерпимо ясного света – чтобы возвратиться оттуда с прояснившимся ликом, возвещая триумф дионисийской воли, которая в восхитительном безумии отрицает собственное отрицание бытия, поворачивает в другую сторону и ломает острие мощного копья, которое было направлено против самого бытия”³⁷.

В мгновения творческого экстаза поэт чувствовал себя образом и подобием древнего “бога Света”, всевидящим “оком Гора”, Мстителем за своего отца, что, между прочим, проявлялось, в захватывавшем его периодически женоненавистничестве. Противопоставив “отцовскому мраку” и его дионисийской “любви к гибели” прекрасную субъективно-идеальную видимость “Девы Радужных Ворот”, женщины-звезды, женщины-кометы, создав собственный миф о Прекрасной Даме, Блок пошел дальше Ницше в поисках противоядия “абсолютной негативности” Запада – к открытию России как своей “изначальной родины” – места реинкарнации Мировой Души-Софии, снова нисходящей на Землю, согласно пророчеству *рыцаря-монаха* Владимира Соловьева. “Ты – богоданный нам, вещей поэт всей России – первый среди поэтов!” – так Андрей Белый оценивал Блока в 1912 году.

Изначальная родина

Как уже было сказано выше, “мистическая философия” Александра Блока, получившая свое первое символическое выражение в его поэтическом дневнике – “Стихах о Прекрасной Даме” (новоявленной *Целомудренной Деве* – eine züchtige Jungfrau – известной по текстам розенкрейцеров и трактатам Якоба Беме³⁸), была позднее развернута им в уже не сводимую к соловьевству, вполне оригинальную историософию, которая включала в себя, между прочим, концепции “высшей мистики войны” и революции как “мирового цикла”, выхода из-под земли безжалостного по отношению к любой “отзвучавшей цивилизации” *духа музыки*, как одного из самых зловещих проявлений “торжества лилового сумрака”³⁹. Революция – не живое существо, поэтому никаких детей у нее не бывает, и хлесткая фраза о революции, “пожирающей своих детей”, ничего не стоит. Иное дело “матушка Россия”, периодически падающая в неистовство и уничтожающая лучших своих сынов. К ней взывал поэт в июле 1905 года:

*Много нас — свободных, юных, статных —
Умирает, не любя...
Приюти ты в даях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!*

“Россия – Сфинкс”, т. е. загадочное “бесконечно древнее существо”, в котором вечно-женственное начало смешалось с дикой звериностью, явление более природно-космическое, чем социальное и политическое. Ее поведение двусмысленно, иррационально, алогично. Пребывая в дремлющем состоянии десятилетиями и даже веками, Она неожиданно пробуждается к массовому историческому действию и продвигается к своей непостижимой для человеческого ума цели скачками. В такие периоды **Россия превращается в “разгоряченного и рвущегося из правовых пут зверя”**. Тем не менее в ее мрачно-кровавой истории явно обнаруживается некая “бессознательная целесообразность”, которую не следует путать с *логикой исторического процесса*, поскольку последняя определяется не “лидерами”, а “космическим умом” – *Логосом*. Россия, самочинно выйдя из подчинения Христу-Логосу (еще во времена патриарха Никона) и став таким образом “воплощением Софии падшей” (= коллективного бессознательного человечества), утратила чувство пути, “пошла по кругу”, пустилась в беспутство. С тех пор ее поведение в мировой истории присущи пугающая высокоумный Запад импульсивность, самоубийственная жертвенность и бесстрашие. Это понял еще Михаил Бакунин, которого глубоко чтит Александр Блок. Россия как “живой организм” (А. Блок), *коллективная историческая индивидуальность*, представляя собой

мистическое единство континентального жизненного пространства и кочующего в его границах *сверхнарода*, действует без оглядки на собственные, неотчетливо сознаваемые интересы или заимствованные извне идеи, руководствуясь скорее фантазмами, вещими снами, коллективными галлюцинациями. Обуздать ее “разбойную красу” на короткое время под силу лишь какому-нибудь *магу* или *чародею*, но только не марионеточному персонажу политического “балаганчика”, со скрытыми механизмами которого Блок познакомился в период работы в Чрезвычайной следственной комиссии после Февральской революции 1917 года. Провидя появление такого чародея-пастыря в России, Блок писал еще в 1903 году:

— *Кто он, народный смиритель?*
— *Темен, и зол, и свиреп:*
Инок у входа в обитель
Видел его — и ослеп.
Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада...
Посохом гонит железным...
— *Боже! Бежим от Суда!*

В то же время звучит в его стихотворениях “красный смех чужих знамен”, мелькают образы “дионисианцев” той поры: “веселые красные люди” в *остроконечных шлемах*, обреченные на гибель в пламени тех костров, которые сами же разводили в начале века: “Зачинайся, русский бред...”. Такова участь *непосвященных*, возомнивших себя хозяевами мира и собственных судеб.

В “душе России” (ее *коллективном бессознательном*) как манифестации Мировой Души-Софии есть та же непреодолимая двойственность: “великий свет и злая тьма”. Поэтому и отношение к России у “одинокого сына земли” двойственное: “и страсть и ненависть к отчизне...” Страсть, освещенная памятью о первой любви к “изначальной родине”, испытанной им на заре юности, когда он верхом на белом коне блуждал в окрестностях сельца Шахматова. Ненависть — к телодвижениям этого дикого, плотоядного и все же “милого нам существа”, в которое родина время от времени превращается, согласно оборотнической логике своего бытия-в-мифе, и о котором у умиравшего Блока есть такие слова, полные “яда ненавистнической любви”: “Слопала-таки поганая, гугнивая родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка”. Как видим, Блок был очень далек от тех вскормленных властью непрозорливых интеллигентов, которые продолжали “упорно и тупо “любить отечество”, отождествляя его с той или иной государственной формой организации (монархией, демократией или диктатурой). Еще в июле 1909 г. Блок утверждал, что он “не с теми, кто за старую Россию” (не с монархистами) и “не с теми, кто за европеизм” (не с социалистами), “но — за новую Россию, какую-то, или — за “никакую”. Или ее не будет, или она пойдет совершенно другим путем, чем Европа...” Каким же? Поэт не брал на себя решение этого вопроса. Он лишь взывал тогда к своей Музе — к Той, которая, как ему думалось, “в поля отошла безвозвратно”: “Но Ты — вернись, вернись, вернись — в конце назначенных нам испытаний. Мы будем Тебе молиться среди положенного нам будущего страха и страсти. Опять я буду ждать — всегда раб Твой... Дай мне увидеть зарю Твою. Возвратись”. Поразительно, что *Владычица вселенной* — София — услышала мольбу поэта и явила ему свой “лик нерукотворный”. Более того — дала ответ на мучивший его вопрос о “другом пути” России. Предчувствия ожидаемого ответа были высказаны поэтом годом ранее в потрясающем цикле “На поле Куликовом” (1908):

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.
Наш путь — степной, наш путь — в тоске
безбрежной,
В твоей тоске, о Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Собственно же ответ, который не сразу поняли “веселые, красные люди”, прозвучал десятью годами позже – в “Скифах” (1918):

*Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, —
С раскосыми и жадными очами!*

Кажется, что устами поэта заговорила сама кочующая Россия-Евразия, ее широкая, исполненная небывалой любви, тоскующая душа, готовая и к “мирным объятиям” с настырным противником, и к “смертному бою” с ним. Перечитывая Блока, понимаешь: никакие дурачки-реформаторы не прервут нашего “вечного кочевья”, не развернут страну в сторону “отзвучавшей цивилизации” Запада – вопреки нашей “варварской”, “древней воле”, не признающей никаких границ, вслушивающейся в идущий из-под земли гул, рвущейся в *Запредельное*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Александр Блок. Соч. в двух томах. Т. 2. М., 1955. С. 153.

² Литературное наследство. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене. М., 1978. С. 82-83.

³ Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 37.

⁴ А. Блок – “поэт религиозный”, – полагал один из создателей евразийской идеологии П. Н. Сувчинский (Александр Блок: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников. СПб., 2004. С. 306).

⁵ Литературное наследство. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене. М., 1978. С. 52.

⁶ В книге лютеранского пастора Иоганна Валентина Андреа “Химическая Свадьба Христиана Розенкрейца” (1604) были сформулированы основы мистической философии – “учения Розы и Креста”, включавшего в свой состав элементы пифагорейства и неоплатонизма (Rebisse C. Geschichte und Mythos der Rosenkreuzer. Baden-Baden, 2007. S. 24-26, 31, 48-50, 107-113). Розенкрейцский эзотеризм допускал заключение лишь духовного брака. Братья-розенкрейцеры давали обет целомудрия, без чего было невозможно восхождение по “духовной лестнице” к Абсолюту – “центру божественной любви” (Я. Беме). Невеста Блока не верила, что он всерьез намерен следовать заветам братства. Ее шафером на “химической свадьбе” 17 августа 1903 г. был друг ее брата “петербургский мистик” граф А. В. Розвадовский, готовившийся тогда к пострижению в монахи, ставший через год членом враждебного розенкрейцерам ордена иезуитов и позднее – профессором философии.

⁷ Литературное наследство. Т. 89. С. 108.

⁸ “В первой юности нам было дано неложное обетование... Может быть, мы сами и погибнем, но останется заря той *первой* любви” (Александр Блок. Т. 2. С. 157). А. Блок и его “духовный брат” А. Белый – *озаренные*.

⁹ В записной книжке № 1 Блок описывает явившуюся ему в вещем сне “Владычицу вселенной”, которой он подает стихи Вл. Соловьева, неожиданно оказывающиеся “немецкой книгой”. Ирреальность открывшегося Блоку первообраза *Пре-красной Девы* не снижает его онтологической ценности как элемента *пневматосферы* (= *Плеромы*), вселенского *семантического поля*.

¹⁰ Генон Р. Символы священной науки. М., 2012. С. 415.

¹¹ Александр Блок. Т. 2. С. 698.

¹² Там же. С. 192. Феномен “радости-страдания” представлен Блоком в драме с розенкрейцским названием “Роза и крест” (1915).

¹³ Там же. С. 728. *Erdgeist* – подземный дух разрушения, тот самый хорошо роющий “крот истории”, которым восхищался младогегельянец К. Маркс. Возможно, именно этот дух придает ту или иную направленность “мщению подземных сил”, напоминающих о себе такими событиями, как поразившее поэта землетрясение в Мессине.

¹⁴ Там же. С. 308. Перед появлением Мефистофеля Фауст открывает книгу на странице с изображением “знака духа земли” (*das Zeichen des Erdgeistes*). Согласно Гегелю, вселяющийся в самосознание “дух Земли” отвлекает человека от “небесно сияющего духа всеобщности знания”, превращая его в “вождеющее самосознание”, стремящееся к призрачному счастью и рано или поздно уничтожающее предмет своей страсти. Это – “беднейшая форма духа”.

- ¹⁵ Hegel G. W. F. *Phänomenologie des Geistes*. Nach dem Texte der Originalausgabe. Berlin, 1975. S. 538.
- ¹⁶ Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 2001. С. 514, 513.
- ¹⁷ Белый А. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 16.
- ¹⁸ Александр Блок: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников. СПб., 2004. С. 32.
- ¹⁹ Там же. С. 559.
- ²⁰ Интерес Блока к египетским мистериям сформировался в ходе изучения текстов Плотина и Владимира Соловьева. Символы египетского мифомышления всплывают, например, в “Клеопатре” (1907), “Снежной Деве” (1907) и “Скифах” (1918), а также – в письмах А. Белому. Поэт не раз отождествлял свое “Я” с “духовным взором”. Например: “Что пока – я? Только – видел кое-что в снах и наяву, чего другие не видели” (Александр Блок. Т. 2. С. 424).
- ²¹ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919. С. 373. Символическим выражением полного торжества дионисийского начала в жизни поэта был показательный эпизод последнего года его жизни, когда Блок в припадке “отвращения ко всему” разбил кочергой стоявшего на его шкафу Аполлона (Блок Л. Д. И были и небылицы о Блоке и о себе. – В кн.: Две любви, две судьбы. Воспоминания о Блоке и Белом. М., 2000. С. 121).
- ²² “Дух музыки” – центральное понятие блоковской эстетики, заимствованное им из книги Ф. Ницше “Рождение трагедии из духа музыки”.
- ²³ Л. Д. М. для Блока – “холодная богиня”, воплощение Мировой Души-Софии, “Девы в снежном инее”, *Девы Снежной*: “Она победила морозом эллинское солнце во мне...” *Духовный брак* с ней стал для поэта способом обретения *блаженства абсолютного знания*.
- ²⁴ Замысел одноименной “сонной мистерии” с *крушением героя* (1906), навеянный воспоминаниями Блока о привидевшемся ему в отрочестве “молодом народившимся боге” – *Дионисе Лидийском*, не был им реализован.
- ²⁵ Nietzsche F. *Der Wille zur Macht*. Stuttgart, 1996. S. 13-14.
- ²⁶ Александр Блок. Т. 2. С. 173.
- ²⁷ Александр Блок. Т. 1. С. 485.
- ²⁸ Белый А. Воспоминания о Блоке. С. 16.
- ²⁹ Там же. С. 27.
- ³⁰ Литературное наследство. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене. М., 1978. С. 82.
- ³¹ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка С. 88.
- ³² Hegel G. W. F. *Wissenschaft der Logik*. II. Berlin, 1975. S. 12. “Дева есть великая Тайна в Совете Божиим... она есть без плоти рожденный образ” (Беме Я. О тройственной жизни человека. Уфа, 2011. С. 85).
- ³³ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 31.
- ³⁴ “Человек – маленькая монада”, – полагал Александр Блок, – “...инфузория, догадавшаяся о беспредельности”.
- ³⁵ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 28.
- ³⁶ Белый А. Воспоминания о Блоке. С. 39.
- ³⁷ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 7. Черновики и наброски 1869–1873 гг. М., 2007. С. 164.
- ³⁸ Вöме J. *Aurora oder Morgenröte im Aufgang*. Frankfurt am Main und Leipzig, 1992. S. 212, 235.
- ³⁹ Александр Блок. Т. 2. С. 153. “Фиолетовый запад гнетет...” (Переписка. С. 160).

Поздравляем нашего давнего друга и автора – философа и публициста Александра Водолагина с 60-летием!

Редакция